

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Физика // Соч. в 4 т. / Аристотель. Т. 3. — М. : Мысль, 1981. — С. 59–263.
2. *Кожев, А.* Введение в чтение Гегеля. Лекции по «Феноменологии духа», читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. — СПб. : Наука, 2003.
3. *Конев, В. А.* Критика способности быть (семинары по «Бытию и времени» Мартина Хайдеггера). Самара : Изд-во «Самарский университет», 2000.
4. Лекция Андрея Тарковского о роли монтажа в кино // <http://www.kinocafe.ru/theory/?tid=26514>
5. *Ницше, Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. — СПб. : Издательский Дом «Азбука классика», 2006.
6. *Уайтхед, А. Н.* Избранные работы по философии. — М. : Прогресс, 1990.
7. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. — М. : Ad Marginem, 1997.
8. *Черняков, А. Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. — СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001.
9. *Эпштейн, М.* Проективный словарь русского языка. Неология времени // Семиотика и авангард. Антология / ред.-сост. Ю. С. Степанов и др. — М. : Академический Проект : Культура, 2006.

Ю. А. Разинов

Время и опыт: эффекты замедления и ускорения

Быстрее быстрее, медленнее медленнее.

Георгий Иванов

Festina lente!

Латинская поговорка

Когда произносятся сакраментальные слова о времени: «время не ждет», «время не терпит», «время летит» (как стрела) или «тянется» (как река), то в этом выражается не только некоторое «чувство» или опыт времени, но и определенным образом связываются сами время и опыт. Эта связанность имеет двойкий смысл. С одной стороны, мы имеем *опыт времени*, а с другой — *время опыта*. Это значит, что опыт времени, как и всякий другой опыт, дан нам *во времени*. Иначе говоря, для того чтобы имелся опыт вообще и опыт времени в частности, нам необходимо время. Сама способность переживать и фиксировать в сознании изменение хода времени ставит нас перед лицом странного удвоения времен: есть *время извлечения опыта времени*. Это один из странных парадоксов рефлексии. Спрашивается: что это за время, в котором происходит не только переживание, но и сам опыт трансформации времени?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо для начала связать сами понятия — опыт и время.

Согласно М. К. Мамардашвили, опыт — это не данность чего-то в нашем сознании, а то, что извлечено нами из «материала» нашего сознания. Как некая процедура извлечения и одновременно *испытания*, опыт имеет темпоральную размерность. Эта размерность зависит как от характера самого испытания, скажем, от силы давления жизненных обстоятельств, так и от предыдущих опытов, то есть определенного багажа — того, что мы обычно называем жизненной опытностью. Совокупность опыта влияет на скорость оценки возникающих обстоятельств не меньше, чем давление самих этих обстоятельств. Проблема заключается в том, что тот или иной опыт не случается в силу того, что

некое событие или ряд событий происходит «слишком быстро» или, наоборот, «слишком медленно». Чтобы понять это, рассмотрим несколько примеров.

Начнем с ситуации «слишком быстро».

Очевидно, что темп современной жизни навязывает человеку логику ускорения. Везде поспеть и ни в коем случае не отстать от жизни — синдром современного человечества. Сама жизнь воспринимается уже не как *век*, а как *миг* между прошлым и будущим. Возгонка процессов не знает предела и вторгается в наиболее консервативные стороны быта. Перекус вытесняет трапезу. Перекур — «безвременье» кальяна, суетно-короткие встречи в гостиницах — настоящее пиршество любви. Любовники, поглядывающие на часы, вечно спешащие прохожие и опаздывающие пассажиры — характерные кинематографические штампы, внушающие образ перманентного отставания и погони за ускоряющимся ходом времени. Все выглядит так, словно бы время «сорвалось с катушек» и вошло в экспоненциальное ускорение. Ускорение форм жизни налагает отпечаток на современную систему образования. Последняя не оставляет времени для сколько-нибудь обстоятельного изучения предмета. Плачевным результатом и вместе с тем наглядным примером возгонки образовательного процесса являются всевозможные ускоренные курсы, литературные дайджесты или брошюрки с кричащими названиями типа «Гегель за 30 минут».

Ускорение темпа жизни очевидно. Неочевидно другое: то, что такого рода тип временения ставит человека в ситуацию фатального неизвлечения опыта. Яснее всего об этом свидетельствует та поспешность в удовлетворении желания, которая ведет к потере *желанного*, и, как следствие, тотальная неудовлетворенность современного человека. Субъект нетерпеливого желания не догоняет его именно потому, что пытается догнать. Желанное ускользает в самом способе отношения к нему. Следует задуматься над, казалось бы, наивным вопросом Винни-Пуха: «Почему если мед есть, то его сразу нет?»

«Служенье муз не терпит суеты», — говорил классик. Схватить наиболее существенное «на лету», минуя процесс его извлечения, вряд ли возможно. Существуют

значительные регионы опыта, освоение которых возможно только в режиме неспешного стремления. Прежде всего, это религиозный и метафизический опыт. Само слово «религия», согласно одной из версий, означает «способность человека отойти от суетливой спешки, вернуться к пройденному, обратить внимание, совестливо и тщательно вдуматься в то, что по-настоящему серьезно»¹. Такую версию впервые выдвигает Цицерон, акцентируя в глаголе *relegere* значение «перечитывать»². Этимологически слово *religio* может быть производно от глагола *lego* (~*re*) (собирать), где *re-legere* означает «собирать снова» (например, мысли и чувства), заново обдумывать, откладывая результат на потом, так, чтобы снова к этому возвратиться. В прикладном аспекте религия может пониматься в смысле повторного, а значит, замедленного чтения или всматривания. В этом смысле религия — почти синоним *зависания*. Зависнуть, застыть в том или ином состоянии сравни религиозному чувству. Именно поэтому церковь столь ревностно относилась ко всякого рода альтернативным видам зависания, в особенности если это состояние утраты, отчаяния или половой любви. Взять хотя бы известное изречение К. Льюиса: «Если любовь — бог, то она — дьявол».

Таким образом, в самой основе религиозного опыта лежит искусственное замедление. Формой такого замедления является ритуал. Исследователь инициальных обрядов перехода А. ван Геннеп приводит любопытные факты. Во многих обрядах ритуал перехода связан с дверью или порогом. Например, при совершении свадебных обрядов новобрачные должны по несколько раз переступить порог или проходить через символическую дверь³. С нашей точки зрения такое повторение имеет совершенно определенный смысл *растяжения времени* перехода. В силу того, что в физическом пространстве такой переход мгновенен, он должен быть

¹ Библихин В. В. Философия и религия // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 36.

² Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 124.

³ Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 2002.

растянут в символическом пространстве и времени обряда. В этом же ключе следует интерпретировать лабиринт, который есть не что иное, как растянутая в свою внутреннюю размерность дверь — туннель, который к тому же скручен в спираль или спутан развилками и тупиками. Лабиринт как сакрализованное пространство между входом и выходом, как своего рода *междудверье*, является наглядной пространственной артикуляцией самой идеи замедления и отяжеления пути. Благодаря такому замедлению опыт перехода становится *испытанием*, а в особых случаях *пыткой*. Известно, что затяжная пытка в средние века мотивировалась чисто религиозными, а не садистскими убеждениями. Считалось, что путь искупления греха — путь небывший. И на вопрос, как лучше умереть: быстро или немного помучиться, религиозная традиция дает ответ в стиле красноармейца Сухова: «Лучше помучиться».

Но не только религия, но и метафизика связана с практиками замедления и задержки смысла. Метафизический жест сознания, как его понимали Парменид и Платон, требует обуздания страстей и спонтанности воли. Используемый философами образ ретивых коней, запряженных в колесницу (символ времени), и направляющего их бег возницы (символ разума) пронизывает всю мировую культуру. Сама рациональная процедура требует контроля над временем... «Чуть помедленнее, кони! Чуть помедленнее...» Как и религия она требует остановки и повторного обращения. В этом отношении всякая философия, справедливо считает В. Библихин, религиозна «вне зависимости от того, берется ли она за «религиозные темы»⁴.

Вместе с тем религиозно-метафизическое замедление — это обратная сторона ускорения самой жизни. С началом «осевого времени», как показал К. Ясперс, само время становится динамичным, порождая сумятицу, граничащую с хаосом⁵. Скорость изменения процессов, с одной стороны, и необходимость их осознания, с другой, потребовали

⁴ Библихин В. В. Философия и религия. С. 37.

⁵ Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М. : Политиздат, 1991. С. 32–37.

выработки особых процедур замедления. Пауза недеяния, или так называемое «затухание» (нирвана), как, например, в буддизме, объявляется высшей формой проявления духа и конечной целью движения. По той же причине греческая философия в лице Гераклита и Парменида ставит задачу фиксации мгновеньности *алетейи*, которая, подобно вспышке молнии, озаряет смысловой горизонт сущего, оставляя в сознании лишь фантомный след. Задачей метафизического мышления становится остановить его расползание, успеть всмотреться в приоткрывшийся на мгновение горизонт, а при необходимости захватить алетейю в «упряжку идеи» (М. Хайдеггер) или производного он нее логоса. Такое искусственное, то есть инициированное самой культурой, замедление мы находим в греческой *пайдейе*, которую Хайдеггер интерпретирует как основательное и постепенное освоение вновь открывшейся области сущего. Ускоренная *пайдейя* — это продукт эпохи Просвещения, которое стремится напиговать сознание «истинами» высокого полета за пару уроков в системе школьного образования, минуя длительный процесс их испытания и освоения. Обратной стороной такого ускорения является то, что участники образовательного процесса осваивают не язык (как «дом бытия»), а правила, не историю (как длящееся во времени событие), а исторические факты, не право (как систему правосудия и справедливости), а законодательство, не культуру (как ситуацию самопорождения человека), а ее каноны и артефакты.

Между тем существуют и другие регионы опыта, не столь «высокие», как религия, метафизика и образование, которые также предлагают неспешность их освоения и соответствующую темпоральную размерность. Возьмем, к примеру, еще в древности воспетый пир. Пир — это событие «распробывания» и «разбавления» плотности бытия, в котором длительное *застолье* плавно перетекает в столь же растянутое *постелье*. Это событие *предвкушения* как подготовки вкуса, *вкушения* как распознавания и анализа вкуса и *послевкусия* как удержание во времени распознанного следа. При этом на пире важна не только сама эта неспешная размерность, но и изменение самой структуры темпоральности. Пир является универсальным культурным механизмом

выравнивания скоростей, синхронизации опыта и балансировки того, что участники пира переживают как «слишком быстрое» или «слишком медленное». Событие пира и его осмысление порождают в античной литературе жанр застольных бесед (Плутарх) и всевозможные «этические» размышления о мере питания и поглощения пищи. Являя собой ситуацию замедления процесса насыщения, пиршество между тем обусловлено и короткими вспышками ускорения: зрелищем, музыкой, танцами, драками, призванными к тому, чтобы нарушать бодрящими встрясками мерное «заблачивание» праздничного процесса. В пире как нигде важно чередование и смена скоростных режимов: «быстрее, быстрее, медленнее, медленнее».

Между тем излишнее замедление — не менее коварная вещь в плане извлечения опыта, нежели возгонка и ускорение. И здесь самое время обратиться к ситуации «слишком медленно».

Очевидно, что в целом ряде случаев именно замедление препятствует извлечению опыта. Опыт не случается только потому, что событие «слишком» растянуто во времени и характер происходящих изменений не имеет наглядности. Это можно сопоставить с тем, как человек реагирует на течение болезни. Резкое вторжение болезни в жизнь человека в виде острой боли обычно запускает в нем сознание тревоги, заботы или страха, что заставляет действовать. Однако в случае медленного и оттого незаметного развития болезни больной постепенно свыкается с ней и часто упускает точку невозврата. В этом отношении уместна другая аналогия: если в городском микрорайоне разом отключить электропитание, то это вызовет недовольство и экспоненциальное смыслопредъявление граждан. Но если на улицах каждый день будет гаснуть по одному фонарю, то легко будет пропустить момент, когда установится темнота.

Данное обстоятельство давно отмечено в политэкономической литературе. Медленное и постепенное обнищание масс может оказаться настолько незаметным, что для его осознания необходима какая-то встряска, какое-то событие, которое становится триггером осмысления. Для того чтобы проявился процесс, разворачивающийся в длительном темпоральном горизонте, необходима «редуктивная ситуация» (М. Мамардашвили), когда на фоне «претерпелости»

(Е. Евтушенко) проступает поражающая ясность момента, когда привычные формы принуждения напарываются на вилы откровенного насилия, циничного обмана и грабежа. Триггером ускорения и последующих революционных изменений может послужить все что угодно: червивое мясо на броненосце «Потемкин» или убийство «мирного» студента в одном из арабских кварталов.

При всей значимости эффектов замедления событие раскрытия истины не может быть сколь угодно долгим. Скорость раскрытия истины — важнейший элемент библейского апокалипсиса. «Конец света» имеет вполне обозримый временной горизонт. В Откровении Иоанна Богослова этому событию отводится несколько лет: два человека божьих свидетельствуют 1260 дней, затем семиглавый зверь правит 42 месяца и т. д. Суммарное время апокалипсиса не должно превышать жизни одного поколения с тем, чтобы в нем были свидетели начала и конца.

Определенная резвость восприятия важна и для метафизического опыта, например, опыта небытия или ничто. Еще софист Горгий апеллировал к скорости как условию извлечения смысла. Только медлительность обстоятельного дискурса мешает нам «обернуться столь быстро, чтобы заметить за своей спиной небытие»⁶.

Однако все это большие темы. Можно выделить и вполне обычные виды опыта, получение которых в принципе не-возможно в режиме низких скоростей. Это сфера, где царствует «его величество» эффект, когда смысл возникает в результате «короткого замыкания» и, наоборот, упускается при повторном обращении, рассматривании или вслушивании. Таковым является смешное вообще и остроумное в частности. Искрометность юмора, внезапность каламбура или своевременность остроты имеют смысл лишь в коротком промежутке времени. Острая шутка должна быть схвачена на лету. Тот же, кому не хватает скорости восприятия и мышления, обычно требует разъяснения, то есть дискурсивное замедление. Всем знакомо чувство неловкости,

⁶ Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. № 10. 1990. С. 160.

возникающее от необходимости отвечать на вопрос: а что тут смешного? Так называемый «тугодум», улавливая предметный план острология, упускает его непредметную суть. А поскольку смысл смешного улетучивается при объяснении, остается один разумный ответ: «Да ничего, проехали!» В этой связи известный юморист М. Задорнов часто использует такой риторический прием: для сжатия пружины восприятия, а заодно для демонстрации смысловой развязки (самой ее скоротечности) он выдерживает паузу, просит публику сосредоточиться, фокусируя внимание на том, чтобы вовремя ускориться... «На старт! Внимание! Марш!» Запоздалый смех тугодума в таких случаях вызывает лишь добавочную порцию веселья.

Действие по принципу «быстрее, быстрее» является темпоральной основой революции. Не случайно, что «ускорение» стало одной из формул горбачевской «перестройки». Логика ускорения соответствует самой сути революционной ситуации, о которой В. И. Ленин говорил: «Промедление смерти подобно!» По этой же причине вопрос о темпах революционных преобразований становится решающей темой партийных дискуссий. В рамках социал-демократического движения этот вопрос являлся одной из причин раскола между *правым* и левым *крылом* революционного движения, начиная со спора Э. Бернштейна и Р. Люксембург о «преждевременности захвата власти» и заканчивая схваткой между сталинским и троцкистско-зиновьевским и бухаринским блоками по вопросу о темпах социалистического строительства. Отмеченный Лениным симптом «детской болезни левизны в коммунизме» содержит в себе скрытый намек на преждевременную революционную «эякуляцию» и старую истину «торопись медленнее».

Все дело в том, что любая революция порождает такую скорость изменений, которая оказывается выше обычной скорости понимания. В смутные времена на смену недовольству по поводу того, что «с нами ничего не происходит и вряд ли что-нибудь произойдет» (А. Макаревич), приходит недоумение: что происходит? Недавние события в Крыму и на Украине со всей наглядностью показали, насколько быстро и неожиданно для многих могут развиваться те или иные процессы. И дело вовсе не в отсутствии расчета. Сама логика революционного *порыва* производит эффект отставания

сознания от реальности. Поэтому самая сложная задача вождя революции состоит в том, чтобы обуздать приведенные ими в движение силы и разбуженное творчество масс. Управление политическим процессом — это искусство ускорения и замедления, чередования ритмов: «быстрее, быстрее... медленнее, медленнее». В этом отношении революционный порыв сродни сексуальному желанию, которое необходимо определенным образом темперировать: не слишком быстро, чтобы вкусить и распознать то, с чем желание имеет дело, и не слишком медленно, чтобы не усыпить и не ослабить его силу. Лишь сочетание этих стратегий позволяет получить желанный результат — прибавочное наслаждение.

Но существует вопрос: коль скоро речь идет о замедлении и ускорении хода времени, то относительно какого времени имеют место замедление и ускорение? Сами эти понятия предполагают некий временной контур, в котором мы можем оценивать ход времени как «неравномерный».

Классическая концепция времени, как она сложилась в научном сознании Нового времени, связана с *ситуацией наблюдения*. В привилегированном смысле время — это время наблюдения, или форма апперцепции вообще (И. Кант). Как таковое время однородно, объективно и универсально. Только на основании такого постулата возможна та синхронизация процессов наблюдения и состояния наблюдаемого объекта, благодаря которой становится возможным объективное научное исследование. При этом предполагается, что время наблюдаемых процессов и время субъекта, ведущего наблюдение, *синхронны*. По существу предполагается, что это *одно и то же время*. Хронометр — это прибор, реализующий идею одновременности моих состояний и состояний наблюдаемого мною объекта. Сама же синхронизация — это сверка результатов наблюдения с неким объективным ходом времени.

Однако вне эксперимента, в естественных условиях жизни имеет место *асинхронизм*, когда время сознательных процессов (восприятия или мышления) опережает или отстает от времени наблюдаемых процессов.

Рассмотрим это на примере восприятия речи.

Представим, что в разговоре с собеседником мы замечаем, как скорость его речи, мимики и жестов начинает возрастать и ускоряется по экспоненте, как если бы грампластинка или магнитофонная лента вдруг стали произвольно переключаться

на повышенные обороты. В галлюцинаторном состоянии обычная речь может доходить до высокочастотного визга или, наоборот, до низкочастотного нераспознаваемого гудения. В психиатрии такие явления описываются в терминах *тахихронии* и *брадихронии* как явления психопатологии субъективного переживания времени. Испытанный при этом шок говорил бы не только о скачке временного режима, но и о кризисе его переживания.

Осознание этого кризиса также должно иметь свое время, например, для понимания того, что это не мир «сошел с ума» и ускорился, а *мое* внутреннее время замедлилось по отношению ко времени событий в наблюдаемом пространстве. Или наоборот, если мир вокруг меня оцепенел и замер, то только потому, что скорость *моего* восприятия и мышления заметно повысилась относительно него. Но такое осознание предполагало бы наличие какого-то относительно стабильного «внутреннего» времени, относительно которого можно было бы зафиксировать ускорение или замедление. Благодаря средствам кинематографии подобного рода сюжеты, могут быть представлены вполне наглядно. Не наглядной остается сама ситуация осознания того, что время ускорило или замедлило свой ход. В самом деле, как мы можем осуществлять временную координацию в ситуации нарушения «нормального» восприятия времени? В случае экспериментального наблюдения — сверяя свое восприятие с показаниями часов. Но все дело в том, что эти показания, какими бы объективными они ни были, даны в непосредственном опыте наблюдения. Как быть, если стрелки часов «сошли с ума» и неистово крутятся на циферблате или застыли на месте? Оплывшие часы в художественных фантазиях С. Дали — не что иное, как художественное выражение опыта экзистенциальной трансформации времени. Непонятное заключается в том, как осуществляется обратная синхронизация?

Психопатология восприятия времени имеет дело с радикальными случаями анахронизма, который в менее заметных формах имеет место в обыденной жизни. Субъекты коммуникативного пространства взаимодействуют на разных скоростях, но в то же время в поле интерсубъективного взаимодействия происходят синхронизация и взаимовыравнивание

времен. Торопыгу притормаживают. Медлительного подгоняют. Когда мы слышим «пулеметную речь», то обычно просим говорить помедленнее или повторить, говорящего с многочисленными паузами и повторами перебиваем и даем понять об ограниченном ресурсе времени. Сама темпоральная размерность повседневных взаимодействий налагает неизгладимый отпечаток на наше переживание времени, задавая тот временной контур, который представляется нам «нормальным».

Поставим вопрос так: у нас имеется время на осмысление. Сколько? При обычном (нормальном) течении времени это определяется сложностью задачи. Для того чтобы выучить правила, необходимо одно время, для того чтобы уметь ими пользоваться, порой необходима целая жизнь. Но что если сжимается или растягивается само время осмысления? Проблема, очевидно, состоит в том, что ускорение хода времени не должно быть «слишком быстрым», а регрессия, напротив, не должна быть слишком медленной. Поэтому в случае его ускорения необходима процедура замедления, например, чтобы *успеть понять*, а в случае замедления, наоборот, — ускорение, чтобы хотя бы *не успеть забыть*. При этом в обоих случаях можно проскочить точку невозврата, то есть момент извлечения опыта. Проскакивание этой точки лишает человека способности к выравниванию скоростей. Вероятно, именно это происходит с психотиками и шизофрениками, которые проскакивают в результате какого-то сильного потрясения сам момент замедления или ускорения времени.

То же самое может произойти с явлением апокалипсиса: слишком быстрый конец света можно пропустить, а чрезмерно растянутый — просто не заметить. Отсюда мораль: *festina lente!*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библихин, В. В. Философия и религия // Вопросы философии. — 1992. — № 7.
2. Геннеп, А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. — М. : Восточная литература, 2002.
3. Цицерон. Философские трактаты. — М. : Наука, 1985.
4. Чанышев, А. Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. — № 10. — 1990.
5. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М. : Политиздат, 1991.